

С.С. Ануфриева

Виды пресуппозиций и их роль в процессе восприятия подтекста

В русле когнитивно-прагматического подхода к изучению текста очевидной становится необходимость привлечения для его анализа процессов понимания. Поскольку в самом общем виде понимание текста складывается из понимания языковых выражений (во-первых, из общего семантического значения входящих в текст единиц, во-вторых, из понимания логических связей, в-третьих, зависимости анализируемого текста от контекста – как языкового, так и неязыкового, как вертикального, так и горизонтального), при восприятии текста представляется необходимым учет разного рода пресуппозиций. Существует целый ряд исследовательских работ по проблеме пресуппозиций. Еще А.А. Потебня, Х. Штейнталь, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий высказывали идею о различном понимании слов и выражений говорящим и слушающим.

В последнее время вопрос о пресуппозициях стал широко дискутироваться в лингвистической литературе. Мы не ставим целью всесторонне представить статус термина «пресуппозиция» в истории становления и развития его значения в логике, философии, лингвистике и т.д. Приведем лишь общие наблюдения на этот счет. Одни исследователи под пресуппозицией подразумевают адекватное ситуации использование предложения, для других оно связано с истинностной оценкой. Очень часто это понятие относят к прагматическим аспектам предложения, в других случаях пресуппозиции рассматривают как свойство лексических вхождений. Так, пресуппозиция традиционно понимается как особая текстовая категория, ситуативный фон, обеспечивающий восприятие и понимание текста, раскрывающий связи между высказываниями и основывающийся на определенных предположениях семантики слов, словосочетаний и предложений, входящих в текст.

В данной работе пресуппозиция рассматривается в качестве общего фонда знаний автора и реципиента, на основании которого в процессе порождения, выражения и восприятия смысла осуществляется экспликация имплицитного, подразумеваемого, предназначенного для сообщения содержания. Говоря об адекватности восприятия и понимания текста, мы имеем в виду соответствие между интерпретациями текста, которые даются автором и реципиентом. Принимая во внимание тот факт, что каждый текст полипресуппозиционен, существует некий пресуппозиционный инвариант, который максимально точно соответствует содержанию текста. Данный инвариант обуславливается совокупностью знаний и представлений автора или реципиента, а также определенной системой знаковых форм, которые служат для выражения данных знаний и представлений. Иными словами, наличие когнитивной базы обуславливает существование некоего пресуппозиционного инварианта, или инварианта восприятия текста, и потенциального инварианта восприятия любого текста. Когнитивная база является неотъемлемой частью индивидуального когнитивного пространства автора и реципиента. На пересечении

индивидуальных когнитивных пространств образуется зона общих знаний и представлений, которая и может быть названа пресуппозицией. Более того, пресуппозиция при порождении текста может предопределять семантическую структуру и коммуникативную целенаправленность текста, что при восприятии очень важно для его понимания.

Рассмотрим соотношение понятий «пресуппозиция» и «подтекст».

Р.А. Унайбаева рассматривает пресуппозицию как средство создания подтекста. «Лингвистическая пресуппозиция – это некое фоновое знание, входящее составной частью в смысл предложения или сверхфразового единства. Подтекст – результат создания и выявления пресуппозиций предложения и пресуппозиций частей текста. Подтекст является вторичной информацией, развивающейся параллельно с первичной, эксплицитно выраженной, информацией текста. Пресуппозиция же входит в первичную информацию в виде обязательных условий, лежащих в основе употребления структуры предложения или сверхфразового единства» [1].

В работе В.А. Звегинцева понятия «подтекст» и «пресуппозиция» фактически отождествляются: «...один из слоев смысла принадлежит предложению и составляет его смысловое содержание, а другой выносится за пределы предложения (или высказывания) и образует условия его правильного понимания, или его подтекст» [2].

Мы полагаем, что подтекст – вовсе не «условия правильного понимания», а некая дополнительная информация, которая возникает благодаря способности читателя видеть текст как сочетание линейной (от лат. *linearis* – линейный) и супралаinearной (от лат. *supra* – над, выше; *linearis* – линейный) информации [3]. Картину мира составляют не только: а) значения, облеченные в готовую (фиксированную) языковую форму, но и б) значения, извлекаемые из языковых форм и затем абстрагированные на этой основе. Эти значения составляют фундамент языковой картины мира [4].

Особенно отчетливо наличие двух систем связей – внешних и внутренних – проявляется на текстовом материале. Наряду с содержательной, открытой для понимания стороной, текст может включать закрытую от непосредственного понимания сторону – подтекст. Наибольшую трудность для понимания представляет художественный текст, структура которого характеризуется тем, что его элементы включены в разные системы отношений и одновременно участвуют в образовании различных смыслов, которые взаимодействуют, хотя и принадлежат разным структурным уровням текста. Напомним фундаментальное отличие восприятия художественного образа. Если при восприятии первичных образов в нехудожественных текстах субъективная и индивидуальная модификация образа определяется свойствами личности реципиента, значимостью для него содержания образов, то при восприятии художественного образа, кроме этих факторов, на первый план выдвигается форма и семантика языковых знаков, посредством которых создается образ.

Художественный текст задает определенное пространство понимания. Известно, что понимание текста обусловлено целым комплексом факторов различного характера.

Мы утверждаем, что концепция множественности понимания текста не тождественна концепции произвольности толкования, так, она не должна быть безгранична, а может быть допустима лишь в известных пределах, зависящих от инвариантных значений всей структуры текста и ее элементов в их взаимодействии. Читатель не должен полагаться только на свое собственное восприятие, опыт и компетенцию. Изучая текст, читатель должен приблизиться к пониманию реально, объективно существующего смысла (выраженного и невыраженного) текста. Чтобы восприятие было истинно, то есть адекватно

тексту, оно, в первую очередь, должно управляться и направляться его структурой, композицией и прочей языковой материей текста.

Так как художественный текст не существует вне данного конкретного материала, вне конкретных языковых единиц, которыми он описан, то при любом подходе к тексту (литературоведческом, семиотическом и др.) необходим анализ его языка. Однако владение естественным языком само по себе еще не приводит к подлинному пониманию текста.

Л.И. Исаева полагает, что в состав базы знаний, имплицитно присутствующей в тексте и необходимой для его понимания, могут быть отнесены следующие компоненты: 1) языковые знания: а) знания языка – грамматические (с фонетикой и фонологией), дополненные знанием лексической семантики; б) знания об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) знания о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем, об окружающей обстановке и т.д.); б) общефоновые знания (то есть знания о мире): знания о событиях, состояниях, действиях, процессах и т.д. [5].

Т.Ю. Губарева определяет следующие внутренние характеристики текста, образующиеся силой воздействия на него индивидуальных особенностей автора и адресата:

1) степень соответствия уровней развития лингвистических знаний коммуникантов (знания лингвистических единиц вместе с языковой семантикой, грамматических категорий, связывающих значения используемых автором языковых единиц, составляющих верхний слой содержания текста);

2) степень соответствия уровней развития логических знаний о способах перехода от единиц языка к единицам мышления и наоборот;

3) степень соответствия уровней развития предметных знаний коммуникантов, наличие которых – обязательное условие и источник восполнения заложенной автором и имплицитно присутствующей в тексте информации, т.е. внутреннего слоя содержания [6].

И.И. Акимова отмечает, что «в образовании смысла художественного дискурса, помимо языковых механизмов, участвуют текстовые механизмы актуализации элементов внутритекстовой структуры. Эстетически функционирующий текст – текст повышенной семантической нагрузки. Получатель обязан, зная о вторичном коде, все элементы выражения (вплоть до опечатки) «подозревать» на содержательность». Она полагает, что «при построении высказывания говорящий осуществляет отбор и комбинирование языковых единиц в соответствии со своим коммуникативным намерением (явным или скрытым). Изучение способов развертывания словесной темы и формирования художественной структуры текста связано с декодированием субъективно-личностных смыслов пишущего и предполагает экспликацию смыслов, данных имплицитно» [7].

В специальной литературе предлагается около полусотни факторов, определяющих восприятие и понимание подтекста. На наш взгляд, наиболее рациональным является перечень такого рода факторов, предложенный В.А. Масловой:

1. Лингвистические (коннотации, фразеологизмы, использование фразеологизмов в несвойственном им значении или трансформация фразеологизмов, грамматические средства разного рода и т.п.).

2. Структурно-композиционные факторы текста (импликации разного рода, лакуны, противопоставления и т.п.).

3. Психологические свойства личности, воспринимающей подтекст (потребности, мотивы личности, особенности мышления, эмоционально-волевой сферы, индивидуальный опыт).

4. Другие экстралингвистические факторы (макро- и микросреда, с которой взаимодействует реципиент) [8].

Таким образом, смыслы текста (явные и скрытые), их восприятие и понимание тесно связаны с его пресуппозициями, в первую очередь с лингвистическими. По мнению А.А. Леонтьева, процесс восприятия текста предполагает «восстановление мысли по тем вехам», которые представлены реципиенту автором сообщения [9]. Еще А.А. Потебня говорил, что язык определяет понимание и является его необходимым условием [10]. В.З. Демьянков первым из девяти выделяемых им модулей понимания называет «использование языкового знака» [11].

Так, первичный уровень содержания, с которым сталкивается читатель, заключается в естественном языке, на котором написано произведение. Почти всегда слова естественного языка приобретают смысл, не равнозначный их внеконтекстному словарному значению. За непосредственно изображаемыми событиями читатель находит еще один, параллельный, глубинный слой происходящего. О существовании этого глубинного слоя читатель в состоянии судить по специфическому способу изображения первого внешнего слоя. Тем самым смысловая структура текста и знаковая форма его представления (объем, синтаксис, язык) выполняют организующую роль в формировании смысла текста в сознании реципиента. Знаковая форма текста является фундаментом для читательского представления о его содержании, в основе которого – владение значением слов, входящих в понимаемое выражение.

Под лингвистическими пресуппозициями будем понимать знания языковой действительности, знания особенностей языка, парадигматических отношений в его системе, знание графических и суперсегментных средств, актуальных для порождения, выражения и восприятия скрытой информации. При таком подходе лингвистическая пресуппозиция описывает два разных явления. С одной стороны, это информация, позволяющая восприятие реципиентом «нормативного» лингвистического смысла. Этот процесс характеризуется как спонтанный, автоматический. С другой стороны, восприятие реципиентом разного рода отступлений от нормы. Этот процесс сознательный и рефлексивный.

Таким образом, процесс актуализации лингвистических пресуппозиций, а также индивидуально-авторских и читательских пресуппозитивных компонентов – основа создания и восприятия присущей художественному тексту подтекстовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Унайбаева Р.А.** Категория подтекста и способы его выявления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1980. С. 9.
2. **Звегинцев В.А.** Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. С. 250.
3. **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 45-46.
4. **Роль человеческого фактора в языке.** М., 1988. С. 142-143.
5. **Исаева Л.И.** Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Краснодар, 1996. С. 27.
6. **Губарева Т.Ю.** Психолингвистический анализ понимания письменного текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1997. С. 12.
7. **Акимова И.И.** Средства выражения имплицитной информации в художественном дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. С. 10.
8. **Маслова В.А.** Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Мн., 1998. С. 29.
9. **Леонтьев А.А.** Психологический подход к анализу искусства // Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. М., 1978. С. 36.

10. *Потебня А.А.* Мысль и язык // *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 40.
11. *Демьянков В.З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания, 1983, № 6. С.71-86.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of searching and distinguishing the factors that influence the process of text perception, specifically the implicit information. The author considers different definitions of the term «presumption» and determines its place among other linguistic terms.

Поступила в редакцию 1.10.2002

УДК 808.2-3

Т.И. Синкевич

Особенности номинации озер Витебщины

Имена собственные в лексической системе современного русского языка образуют уникальную подсистему с особыми системообразующими механизмами, закономерностями развития и функционирования. Ни одно собственное имя не бывает случайным. Оно обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического и культурного развития своих создателей.

Несмотря на усилившееся внимание со стороны лингвистов к топонимике в последние десятилетия, очевидно, что отдельные группы белорусской топонимической лексики оставались за пределами специальных исследований. Многие вопросы требуют уточнения или более детального рассмотрения.

Одной из малоисследованных групп, на наш взгляд, является лимнонимия – очерченная подсистема внутри общей гидронимической системы, которая в свою очередь является частью топонимии. К лимнонимам относят названия озер. Этот пласт лексики интересен в лингвистическом и историко-культурном плане. Как один из разрядов топонимов, лимнонимы «служат самыми древними памятниками, которые позволяют проникать в глубину истории, культуры, языка» [1].

Информативность собственных имен, являясь их существенным свойством, позволяет использовать онимы как в лингвистических, так и в экстралингвистических исследованиях. Понятие информации собственных имен и информативности отдельных групп собственных имен прочно вошло в современную ономастическую литературу.

Мы в своей работе используем термины: 1) «информативность собственного имени» (а не «информация имени»), понимая под этим свойство имени быть источником информации; 2) «лингвистическая информация», т.е. информация, получаемая исследователем в результате лингвистического анализа. Поскольку для нас информация – это то, что есть в имени объективно, и поскольку собственные имена в большей степени, чем апеллятивная лексика, связаны с экстралингвистическими факторами и зависят от них, постольку вопрос о семантике собственного имени не может быть решен без ономастического анализа.

Создание ономастической классификации гидронимов должно быть, безусловно, соотнесено с семантической классификацией базовых апеллятивов и должно фактически отражать принципы гидронимической номинации. Так как базовые апеллятивы могут быть многозначны, то соответственно они должны быть включены в различные группы из-за семантических переходов и